

*Всем гадким утятам.
Помните, что «гадкий утенок» —
это одно из названий лебедя.*

А поскольку в этой книге много говорится о мамах, мне показалось справедливым посвятить ее моей маме, Дикси Янг, которая держала у себя волков (а может быть, это были шакалы!) задолго до того, как об этом была написана книга, и всегда умела сама найти выход из любой чащи.

Несмотря ни на что, ее дверь всегда оставалась открытой для всех.

Мне остается лишь пожалеть о том, что я слишком поздно узнала, как трудно это сделать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Большой прием

Кружева на моем праздничном платье были ужасно кусачими. Не понимаю, почему люди, которые изобрели автомобили и другие машины, до сих пор не смогли придумать кружева, которые не кусаются. Хотя мою маму проблема кружев не беспокоит, нужно будет внимательно посмотреть на то, как реагируют на них другие леди, которые придут на прием сегодня вечером.

— Ты на удивление тихо ведешь себя, Теодосия, — заметил папа, прерывая мои размышления.

— На удивление тихо? — интересно, что он хочет этим сказать?

— Я думал, ты будешь без умолку трещать о приеме у лорда Чадли.

Сегодня мой первый выход на профессиональную сцену. И я собралась насладиться каждой секундой этого события. Я стану первой одиннадцатилетней девочкой, допущенной в этот замкнутый мир. А вдруг меня попросят сказать речь? Здорово будет, верно? Я выйду вперед, и все уставятся на меня — хранители музеев, и лорды, и сэры, и прочие известные люди — а затем я должна буду...

что-то им сказать. Э, нет, пожалуй, это не такая уж заманчивая идея — выступить с речью.

— Она, скорее всего, очень нервничает, Алистер, — сказала мама, кладя на папину руку свою обтянутую перчаткой ладонь. — Каково такой маленькой девочке оказаться среди стольких высоких чиновников и других важных людей? Я бы тоже лишилась дара речи на ее месте.

Да. Я действительно чувствовала себя довольно неловко. И действительно нервничала больше обычного. Экипаж завернул за угол, и у меня похолодело все внутри.

Мы приехали к дому лорда Чадли на Мейфейр, огромному особняку из красного кирпича с белыми колоннами и зеркальными окнами. У дверей нас встретил дворецкий, который приветствовал, назвав папу по имени. Затем мы прошли внутрь и оказались среди огромной толпы одетых в вечерние платья женщин и мужчин во фраках. Полы в особняке были мраморными, холл украшали греческие колонны. Вообще холл в доме лорда Чадли очень смахивал на музей — здесь были греческие урны, бюст Юлия Цезаря и большой красочный герб. Неожиданно я даже обрадовалась своим кружевам — без них я здесь чувствовала бы себя раздетой догола.

Я вложила свои пальцы в мамину ладонь и прошептала.

— У лорда Чадли дом даже роскошнее, чем у бабушки.

— Смотри, как бы она тебя не услышала, — сказал папа.

— Как она может меня услышать? — хмыкнула я. — Она сейчас далеко отсюда.

Заметив выражение на папином лице, я нерешительно уточнила.

— Разве не так?

— Боюсь, что нет, — по тону папы я догадалась, что он не слишком этому рад. — Она принадлежит к тому же кругу, что и лорд Чадли.

Это была новость, грозившая испортить мне весь вечер. Может, кто-то подумает, что я преувеличиваю, но это лишь означает, что он не знаком с моей бабушкой.

Я принялась шарить глазами по толпе, высматривая бабушку. Если я сумею заметить ее первой, мне будет легче избежать встречи с ней.

«На самом деле не нужно бояться», — твердила я себе, когда мы втроем входили в огромный балльный зал. Я старалась делать все, чтобы никому не бросаться в глаза, и вообще вела себя как паинька. Сегодня даже бабушка, пожалуй, не нашла бы к чему придраться.

Она всегда настаивает на том, что детей в целом, и меня в частности, должно быть как можно меньше видно и еще меньше слышно. Одного того, что я вообще оказалась здесь, ей вполне будет достаточно, чтобы почувствовать себя до глубины души оскорбленной.

В зале негромко играла музыка, но никто не танцевал — все стояли, разговаривали и пили шампанское. Мы шли сквозь толпу гостей до тех пор, пока папа не увидел среди них смутно знакомого мне человека и не повел нас с мамой к нему.

Когда мы подошли к этому джентльмену, он наклонился вперед, дружески похлопал папу по спине и сказал:

— Давненько мы не виделись с вами, Трокмортон. И наконец-то вы решились привести с собой вашу красавицу жену.

Мама протянула свою руку, но вместо того чтобы пожать ее, тот мужчина поднес ее к своим губам и поцеловал — представляете? «Только бы он со мной такого не сделал», — мелькнуло у меня в голове. Нет, ничего подобного этот джентльмен делать не стал. Он вообще не замечал меня до тех пор, пока папа не кашлянул и не сказал, положив мне на плечо свою руку.

— А это моя дочь Теодосия, лорд Чадли. Мы с вами о ней говорили.

— Ах да! — воскликнул лорд Чадли и слегка наклонился, чтобы лучше рассмотреть меня. — Наш новый маленький археолог. Решила пойти по стопам своей матери, девочка? Это хорошо.

Он протянул руку и погладил меня по голове. Как собачку или кошку. Простите, конечно, но, по-моему, в хорошем обществе не принято гладить людей по голове, как собак!

Папа сильнее сжал свою руку у меня на плече — это было молчаливое предупреждение держать язык за зубами. Ладно.

— Скажите, — произнес папа вслух, обращаясь к лорду Чадли, — правду говорят, что вы сами привезли из той гробницы какой-то артефакт?

Чадли самодовольно улыбнулся и ответил.

— Это правда. После того как вы в такой спешке уехали назад домой, мне пришлось самому по-

спешить в Фивы, чтобы обеспечить охрану места раскопок.

— Да, вы уже говорили об этом, — папа слегка поморщился, чуть слышно добавил себе под нос: «Уже три раза», а затем, уже громче, продолжил: — Мне ужасно жаль, что мы доставили вам столько хлопот. Если бы мой сын не заболел так тяжело...

— Оставьте! Это даже приятно — вырваться порой на раскопки, самому почувствовать все то, что чувствуете вы, археологи, — тут Чадли толкнул папу локтем в бок. — К тому же мне удалось и самому кое-что найти на этом месте. Между прочим, этот артефакт стоял там прямо на виду — не понимаю, как вы его не заметили и не отправили в Британию вместе со своим багажом. — Чадли раздул грудь и торжествующим тоном закончил, слегка покачиваясь вперед и назад на своих каблуках. — Эта находка — мумия, и мы собираемся сегодня разбинтовать ее.

Он собирается разбинтовать мумию! Что за чудовищная мысль? Неужели Чадли не понимает, что мумификация — это священный и тайный обряд древних египтян? Что разбинтовать мумию — это все равно что при всех раздеть мертвое тело своего деда?

— Сэр, — начала я, но папа еще крепче сдвинул мне плечо. Если так дело пойдет и дальше, я вернусь домой в синяках.

— Очень интересно, сэр, — сказал папа. — С нетерпением будем ждать, когда увидим это.

— Отлично, отлично. Надеюсь, очень скоро увидите, — кивнул Чадли. Папа извинился, поклонился, взял под локоть маму, меня и повел нас дальше.

— Я думала, что разбинтовывания мумий закончились еще при королеве Виктории, — пробормотала себе под нос мама.

Улучив момент, когда нас никто не мог слышать, я повернулась к папе и спросила:

— Почему ты ничего не сказал? Это же надругательство над покойником, разве не так?

— Да, думаю, что это так, Теодосия, — ответил папа. — Но я, как ты знаешь, не отвечаю за каждую привезенную из Египта мумию. А между тем лорд Чадли — член совета директоров нашего музея, и я не хочу портить с ним отношения, а они испортятся, если я скажу все, что думаю о разворачивании его новой мумии.

Я повернулась к маме.

— О, нет, — сказала она. — И не смотри на меня. У меня положение тоже очень сложное. Знаешь, как трудно женщине-археологу отстаивать свое место среди археологов-мужчин? Я просто не имею права показаться кому-либо сентиментальной или слишком впечатлительной. Мне приходится быть стойким оловянным солдатиком.

Ну что ж, попытка не удалась, но я хотя бы попробовала ее сделать.

— А где, как ты полагаешь, Чадли нашел эту мумию? — спросила я. — Я там не видела ни одной, ни в гробнице, ни в боковой камере. А ты, папа?

— Я тоже не видел. Но, повторю еще раз, мы слишком были заняты тем, чтобы достать тебя из того колодца и переправить в безопасное место. Скорее бы закончился этот чертов прием... Ой!

— Впереди еще танцы и угощение, — напомнила мама, убирая свой локоть от папиных ребер.

Честно говоря, я мечтала провести сегодня восхитительный вечер со своими родителями. А еще надеялась, что мое красивое модное платье и то, что присутствую на таком блестящем приеме, заставит родителей увидеть меня в ином свете.

Или хотя бы вообще просто увидеть, а не смотреть поверх меня на других взрослых. Увы!

Прикинувшись, что не слышу их, я приподнялась на цыпочки, пытаюсь рассмотреть мумию. Мне никак не верилось, что я могла не заметить стоящую на виду мумию, даже убегая от преследования Змей Хаоса.

Нет, увидеть мумию мне не удалось, слишком много вокруг было взрослых, и все — выше меня ростом. Слегка повернув голову в сторону, я наткнулась глазами на пожилого мужчину, который изучал меня сквозь свой монокль так, словно я была наколотой на иголку букашкой. Рядом с мужчиной стояла очень полная женщина в горчичного цвета платье с оборками и тоже рассматривала меня, подняв к переносице свой лорнет. Честное слово, можно подумать, что им никогда до этого не доводилось видеть одиннадцатилетнюю девочку!

— Я полагаю, нужно пойти засвидетельствовать наше почтение маме, — произнес папа, причем с таким энтузиазмом, будто речь шла о том, чтобы бухнуться вниз головой с моста в Темзу.

По правде сказать, желания видеть бабушку у меня было не больше, чем у папы. На мое счастье, появилась возможность хотя бы отсрочить эту трогательную встречу — толпа слегка раздалась, и я заметила в ней знакомое лицо. Даже два лица.

— О, посмотри, папа! Это же лорд Сноуторп!

Хотя не могу сказать, что лорд Сноуторп был мне хоть чуточку приятен, но он стоял рядом с человеком, которого я очень, очень рада была видеть, — с лордом Вигмером. Правда, свое знакомство с Вигмером мне приходилось скрывать, потому что он возглавлял Братство избранных хранителей — тайное общество, взявшее под свое наблюдение все священные объекты и артефакты в стране. Это была трудная работа, потому что Британия была буквально запружена заколдованными и проклятыми предметами. Братство было тем щитом, который защищал нашу страну от воздействия черной магии и древних проклятий. Я тоже была теперь почетным членом этого тайного Братства. Я махнула Сноуторпу и Вигмеру рукой.

— Но, Тео, — прошипел папа. — Я вовсе не желаю разговаривать с этим...

— Трокмортон! — громко воскликнул лорд Сноуторп.

— Пропади оно все пропадом. Ну, смотри, что ты наделала.

Неужели папе не понятно, что Сноуторп в сотню раз лучше, чем бабушка? Между прочим, я полагаю, что по крайней мере один из этих джентльменов относится к идее разбинтовать мумию с таким же неодобрением, как и мы сами. А поскольку ни один из них не работает у лорда Чадли, возможно, им даже удастся остановить его.

Когда мы подошли к Сноуторпу, лорд Вигмер слегка подмигнул мне и едва заметно покачал головой, напоминая мне, что для всех окружающих мы с ним не знакомы. Я подмигнула ему в ответ.

Затем последовали дежурные «Рад видеть!» и «Как поживаете?», после чего лорд Сноуторп перешел к своему любимому занятию: совать нос в чужие дела.

— Скажите, нашлось это ваше Сердце Египта? — спросил он.

Папа напрягся, мама посмотрела в сторону и ответила:

— Боюсь, что нет. Вора так и не отыскали.

Они коснулись темы, которую я хотела бы избегать как можно дольше. Лучше всего до конца жизни. Мои родители понятия не имели, что это именно я вернула Сердце Египта на его законное место в Долине Царей. Это был единственный способ нейтрализовать ужасное проклятие, которым был заражен этот артефакт. Разумеется, я сделала это не без некоторой помощи Вигмера и его Братства избранных хранителей. Об этом мои родители тоже, конечно, не знали.

— Зачем же тогда вы рассказывали мне сказки о том, что артефакт в чистке? — требовательно спросил Сноуторп.

— Мы... — папа обернулся к маме, и они обменялись отчаянными взглядами. Затем мама снова посмотрела на Сноуторпа и замялась, не зная, что ей сказать.

Родители выглядели такими виноватыми и подавленными, что я решила прийти им на помощь.

— Полиция просила нас сохранять молчание до тех пор, пока они не закончат свое расследование, — сказала я. — Они не хотят, чтобы кому-то стало известно, как продвигаются их розыски.